

В. Розанов

Природа и история

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. Розанов
В11 Природа и история / В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 272 с.

ISBN 978-5-458-15720-9

Статьи, собранные в настоящей книге, были напечатаны между 1889-1898 гг. в "Русском Вестнике", "Русском Обзрении", Журнале Министерства Народного Просвещения", "Вопросах Философии и Психологии" и "Новом Времени".

Нет страниц 259-262.

ISBN 978-5-458-15720-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Я только что провелъ нѣсколько часовъ, приводя въ порядокъ ту стриженную лашпу, которая остается отъ «оригинала», когда онъ возвращается автору обратно изъ рукъ типографскаго наборщика, «творца» книги. Кой-гдѣ сердце мое сжалось, увидя синіе огромные, «редакторскіе», кресты надъ дорогими когда-то страницами. Но я вѣрю и хочу вѣрить, что являюсь не просто въ «критическомъ» изданіи, но въ «критическомъ и улучшенномъ». Я много и сильно увлекался въ своей литературной дѣятельности. Въ особенности прежде, въ «консервативный» періодъ моего развитія, я имѣлъ свободу печатать рѣшительно все, что—порой минутно и пламенно—увлекало мое воображеніе и мысль. Нужна была критическая, *читательская* работа надъ написаннымъ. Говорять, какой-то авторъ сказалъ, что онъ не хочетъ имѣть толпы читателей, но хочетъ имѣть *интимнаго* читателя. Кто-же этого не желаетъ; но я имѣлъ радость *видѣть, ощущать* около себя такихъ читателей. Что значить «интимный читатель»? Такой, который слышитъ *музыку души* автора, а не только слышитъ его слова; и имѣя этотъ ключъ отъ его произведеній, достаточно властно умѣетъ и хочетъ поправлять его.

Мнѣ думается, сочиненія мои все-таки «смотреть впередъ». Не забуду, что сочиненія мои никогда не производили впечатлѣнія на Н. Н. Страхова. «Боже, какъ вы хорошо пишете: какая точность языка и мысли»; или: «какая чистота стремленій и чувствъ». И я смѣялся, конечно радостно, слишкомъ компетентной похвалѣ. Но

если были люди *не* близнецы (не сросшіеся, дисгармоничные), то—этот почившій дѣдъ нашего критическаго, философскаго и публицистическаго сознанія, и я. Общеніе со Страховымъ доставляло мнѣ величайшее наслажденіе. Вотъ старый сѣдой дубъ, корни котораго, ноги котораго такъ хочется омыть; но, омывъ, бѣжать въ безвѣстную даль... Всѣ, чувствующіе «музыку души» моей, суть внуки того дѣда (по возрасту, по поколѣнію). Итакъ, я думаю, что, какъ писатель, я—«крайне современень», и это можетъ дать утѣшеніе тѣмъ читателямъ, которые, случайно купивъ книгу, пожалѣютъ о тратѣ на нее.

Говорять, литература есть «талантъ»; Толстой опредѣлилъ ее какъ «вниманіе». Но теперь, когда я убираю листки своихъ «ореганопліа», я думаю прежде всего, что литература есть безконечный трудъ и упорная, нѣсколько фанатичная настойчивость. Въ самомъ дѣлѣ, такую *шпелъ бумага* я ни за какую плату не переписалъ-бы; написать это, т. е. *составить* (скомпилировать)—ужасно. но я еще всю ее *сочинилъ*. Откуда у человѣка, скорѣй изнѣженнаго и вообще сибарита (ничего не могу дѣлать безъ желанія), эта бездна труда? Богъ велѣлъ и указалъ. Почему, будучи рѣшительно лѣнливымъ, я не уставалъ только писать, какъ въ годы, когда сидѣлъ за книгой «О пониманіи», такъ и потомъ, «среди газетъ и журналовъ»? Теперь жизнь моя течетъ спокойно и счастливо, но когда я писалъ «О пониманіи», я былъ лично измученный человѣкъ. И вотъ перейдешь къ главѣ «О существованіи». «Есть *несуществованіе* или его *нѣтъ*? Помню надъ этимъ вопросомъ я съ ума сошелъ; это былъ истинно восхитительный для меня вопросъ (онъ, въ сущности, не разрѣшимъ). Въ скорби, въ уныніи я бралъ перо, душа расправлялась, высыхали внутреннія слезы, а строки бѣгутъ, бѣгутъ... «Да нѣтъ, «несуществованія» *нѣтъ*, есть *только* существованіе, ибо если-бы «несуществованіе» *было*, то уже тѣмъ однимъ, что оно *есть*, оно *заключало-бы въ себѣ существованіе*, и слѣдовательно было-бы «существованіемъ». Поэзія! молодые дни!

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади вѣкогда сказавъ.

Мы любимъ мысли свои, какъ друзей; и если *умирають* друзья, умирають и *мысли*.

Въ концѣ концовъ всякій писатель есть могила умершаго. Можетъ быть, отъ этого многіе писатели дѣлаются угрюмы подѣ старость. «Какъ мало живетъ во мнѣ, но сколько умерло!..» Есть однако благоуханіе и у могилъ, есть смыслъ около могилъ! Подѣ старость вырабатывается какая-то жестокая опытность. Просматривая листки свои, я думалъ надѣ многими: «Боже, я могъ это написать, я могъ этому вѣрить». И разочарованіе

За жаръ души растроченный въ пустынь

есть непременно удѣлъ стараго или старѣющаго писателя. Много этихъ разочарованій и въ моемъ сердцѣ. Къ счастью, они не очаровали, кажется, и моего издателя. Sit iis terra levis.

И все таки хочется завтра писать, послѣ-завтра писать.—«Папа, да о чемъ ты все думаешь?»—знакомый вопросъ, и милый.—«Я, милая, думаю о той сказкѣ, которую разсказываю». Такъ, между дѣтскими играми и «отдаленными историческими заботами», текутъ мои дни,—и не знаю, въ чемъ больше свѣжести. Карамзинъ когда-то спрашивалъ: «кто истинно счастливый человѣкъ?»—Истинно счастливый есть тотъ человѣкъ, которому Богъ удѣлилъ вѣчно трудиться, но надѣ тѣмъ трудиться, что онъ и любить, и во что вѣрить.

Вспомнимъ о тѣхъ, кто не имѣетъ и отдаленно этого счастья: а это—*всѣ*, почти всѣ...

Томъ этотъ наполненъ почти исключительно философіей, и такъ или иначе, онъ весь или вытекаетъ, или идетъ параллельно главамъ и страницамъ «О пониманіи». Если-бы какое-нибудь вниманіе къ этой книгѣ показало мнѣ, что есть возможность въ Россіи трудиться и жить для философіи,—вѣроятно, я никогда не сталъ-бы публицистомъ. Созерцательность, само-погруженность, экстазъ къ вопросу о «несуществованіи» есть, кажется, первичная матерія моей души. «И сотворилъ Богъ человѣка и вдунулъ въ лицо его... душу безсмертную». Мою «безсмертною душою», «вдунутою Богомъ», были въ сущности всегда совершенно *теоретическіе* вопросы: «како міръ», «како Богъ?», «како жизнь?» Гораздо позже, и въ

сущности всегда подъ конкретнымъ раздраженіемъ, являлось движеніе: «не такъ въ мірѣ», «не такъ (мыслимъ) о Богѣ», «не такъ устроено въ жизни». Эта книга почти исключительно отвѣчаетъ на вопросы: «какъ». Первые три, ранѣе изданныя, большей частью полны волненіемъ: «не такъ».

Vale, читатель. И дай Богъ, чтобы ты испыталъ за чтеніемъ этихъ страницъ хоть долю той отрады и истиннаго счастья, какія я испыталъ, когда писалъ ихъ.

В. Р.

Вопросъ о происхожденіи организмовъ.

«Дарвинизмъ». Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Томъ II (одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. С.-Петербургъ, 1889 г.

Второй томъ критическаго изслѣдованія Н. Я. Данилевскаго долженъ былъ содержать разборъ ученія Ч. Дарвина о происхожденіи человѣка. Смерть неожиданно прервала работу автора, и теперь являющаяся глава есть единственное, что онъ успѣлъ приготовить для этого второго тома. Она посвящена разбору ученія объ экспрессіи, которая во многихъ случаяхъ является общею у человѣка и животныхъ и указываетъ, по мнѣнію Дарвина, на происхожденіе перваго отъ какой-то формы вторыхъ. Въ свое время глава эта была напечатана на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1887 г., май), и потому мы не будемъ ничего говорить о ней. Въ настоящемъ изданіи она сопровождается обширнымъ введеніемъ, написаннымъ Н. Н. Страховымъ, и нѣсколькими указателями. Введеніе относится не къ изданной теперь главѣ, но ко всему критическому изслѣдованію Н. Я. Данилевскаго и можетъ служить руководящею нитью при изученіи этого обширнаго труда; указатели предназначены облегчать всевозможныя справки въ немъ.

I.

Высокій интересъ, который связанъ съ теоріею Дарвина и ея критикою, обуславливается тѣмъ, что она явилась косвеннымъ разрѣшеніемъ вопроса, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ тревожившаго человѣческаго сознаніе, — вопроса о причинности и цѣлесообразности. Въ философскихъ школахъ древней Греціи и въ средне-вѣковыхъ университетахъ, среди послѣдователей картезіанизма и между учениками Кьюве, — всякій разъ, когда поднимался этотъ вопросъ, человѣческая мысль глубоко волновалась, и люди раздѣля-

лись на враждующія стороны. Лежить-ли въ основѣ міростроенія и міроразвитія одинъ который-нибудь изъ двухъ называемыхъ принциповъ, или, по недостаточности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, они должны быть признаны оба—вотъ сомнѣніе, разрѣшеніе котораго, всякій чувствовалъ, должно не только повліять на весь кругъ наукъ, но и опредѣлить судьбу многихъ глубокихъ вѣрованій чловѣка, на которыхъ, сознательно или безсознательно, до сихъ поръ всегда покоилась его жизнь. Въ разгадкѣ этого вопроса содержится не только указаніе, какъ единственно можетъ чловѣкъ понимать природу и объяснять ея явленія, но и отвѣтъ на то, слѣдуетъ-ли ему видѣть въ себѣ самомъ и въ своей мысли фактъ одиночный въ мірозданіи, безъ аналогій, безъ какихъ-либо связей съ нимъ, болѣе интимныхъ и глубокихъ, нежели какія существуютъ между зрителемъ и наблюдаемымъ предметомъ.

Правда, самъ Дарвинъ ничего не говорилъ объ этомъ вопросѣ; но едва появилась его теорія—всѣ почувствовали, что она служитъ именно отвѣтомъ на него. Какъ натуралистъ, онъ взялъ свою задачу гораздо ѳже, но и вмѣстѣ—съ самой трудной ея стороны. Ничего не говоря о мірозданіи и строго воздерживаясь отъ философскихъ соображеній, онъ объяснилъ одну часть въ немъ и выполнилъ это съ помощью простыхъ и ясныхъ приемовъ, установившихся въ естествознаніи. Онъ подмѣтилъ нѣкоторые процессы, имѣющіе мѣсто въ природѣ, создалъ нѣкоторыя предположенія, не имѣющія въ себѣ ничего невѣроятнаго, и искусно дополнилъ первые вторыми—далъ объясненіе происхожденію и устройству органическаго міра, исключаящее цѣлесообразность. И такъ какъ органическій міръ ясенъ, чѣмъ все другое въ природѣ, обнаруживалъ въ своемъ строеніи и развитіи присутствіе цѣлесообразности, то, разъ показана была мнимость этой послѣдней, не оставалось никакихъ причинъ удерживать ее, въ качествѣ объясняющаго принципа, и для остальныхъ частей космоса.

Здѣсь мы должны остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ ученія, созданнаго Дарвинымъ. Несомнѣнно устранивъ цѣлесообразность, какъ объясняющее начало, онъ не назвалъ однако своего объясненія и причиннымъ. И чѣмъ внимательнѣе послѣдователи и антагонисты этой теоріи вдумывались въ ея смыслъ, тѣмъ болѣе затруднялись они въ опредѣленіи ея значенія: одни не видѣли въ ней причиннаго объясненія; другіе утверждали, что она носитъ причинный характеръ, и что только объясняющія причины должны быть отнесены въ глубь временъ. Ясно, что и для тѣхъ, и для другихъ причинный характеръ объясненія не былъ отчетливъ, твердо убѣдительно. И вотъ на ряду съ двумя единственными объясненіями, которыя возможно было бы ожидать для всякаго происхожденія и устройства, очень упорно называется третье—объясненіе черезъ *случайное*.

Въ теоріи Дарвина есть одна особенная странность, которая и породила это недоразумѣніе, но она почему-то никѣмъ не почувствована съ достаточною живостью и яркостью. Будучи (по задачѣ своей) теоріею происхожденія органическихъ формъ, она въ дѣйствительности говоритъ только объ ихъ сохраненіи; или точнѣе и строже: о несохраненіи формъ, за исчезновеніемъ которыхъ остались тѣ, которыя наблюдаются. Всѣ процессы, указываемые въ природѣ, имѣютъ лишь это послѣднее значеніе, но лишены какой бы то ни было созидающей, производящей силы. Наслѣдственность передаетъ потомству измѣненія, возникшія у предковъ; размноженіе организмовъ въ геометрической прогрессіи и вытекающая отсюда борьба за существованіе, уничтожая неизмѣненныя благоприятно особи, способствуетъ сохраненію тѣхъ, которыя измѣнены благоприятно. И здѣсь и тамъ *измѣненія разсматриваются, какъ уже данное*; а то, что объясняется теоріею, есть лишь процессъ сохраненія. И это необыкновенно странно для ученія, которое и само себя понимаетъ, и принимается другими, какъ ученіе о происхожденіи, о генезисѣ,—о томъ, въ чемъ есть движеніе и варіированіе: способъ возникновенія измѣненій, а не ихъ сохраненія, есть основная задача, разрѣшенія которой мы ожидали бы отъ подобнаго ученія. Естественный или искусственный подборъ, даже если онъ дѣйствуетъ вѣчно, только присоединяетъ, «суммируетъ», по выраженію Дарвина, одну новую черту въ организмѣ съ другою, уже равнѣ возникшею. *Но и то, что онъ присоединяетъ, и то, къ чему присоединяетъ, возникло помимо его и раньше, чѣмъ онъ началъ свое дѣйствіе.* Онъ же не созидаетъ ни одной новой черты въ организмѣ; къ тому, что есть въ природѣ, не присоединяетъ даже юты. Такимъ образомъ, въ теоріи этой являются страннымъ образомъ смѣшанными понятіе возникновенія, появленія, и понятіе сохраненія, не исчезанія только. Отсюда вытекаетъ то, что ея причинный характеръ такъ не ясенъ. Никакое возникновеніе не можетъ происходить иначе, чѣмъ которымъ-нибудь изъ этихъ двухъ способовъ: причиннымъ или цѣлесообразнымъ; но разрушеніе или сохраненіе возникшаго можетъ быть результатомъ случайности, и вотъ почему это послѣднее понятіе—столь несовмѣстимое съ представленіемъ возникающаго, образующагося—такъ упорно прилагается къ дарвинизму и дѣйствительно совмѣщается съ нимъ, какъ теоріею и не имѣющею объяснить какое-либо происхожденіе.

Здѣсь мы дадимъ кстати опредѣленіе *случайнаго*—понятія, отъ котораго не въ силахъ ни освободиться наука, такъ какъ оно, очевидно, имѣетъ мѣсто въ жизни природы и человѣка, ни какъ-нибудь овладѣть имъ, признать его, потому что оно, повидимому, ускользаетъ отъ опредѣленія причинности—совершенія по основаніямъ, чему все должно быть подчинено. Есть масса явленій, относительно которыхъ всѣ живо чувствуютъ, что они не находятся къ окру-

жающему въ отношеніи толчка и движенія, причины и слѣдствія: что тутъ замѣшано что-то иное, чему и принадлежитъ все ихъ значеніе,—и ихъ отдѣлили въ особую область, которой дали имя случайнаго. Въ дѣйствительности *явленіе, которое мы называемъ случайнымъ, есть синтезъ двухъ простыхъ, изъ которыхъ каждое причинно, но не въ томъ ряду, въ которомъ причинно другое, и оба не согласованы ни въ чемъ третьемъ.* Такимъ образомъ, случайное относится къ положенію, а не къ существованію,—и не къ элементамъ предмета или явленія, но къ ихъ синтезу, который въ возможности, потенциально, всегда существовалъ, и только поэтому получилъ реальныя формы, когда эти элементы соприкоснулись. Такъ, смерть человѣка отъ паденія обломка скалы, подъ которою онъ шелъ (типичный примѣръ случайнаго) есть сложеніе двухъ простыхъ явленій: 1) того, что онъ шелъ въ данномъ мѣстѣ, 2) того, что въ это время сюда упалъ обломокъ скалы; и оба эти явленія въ отдѣльности причинны, но только каждое въ особомъ ряду, для котораго не существуетъ другаго ряда, ни какого-либо звена его. И самый синтезъ ихъ,—смерть человѣка происшедшимъ способомъ, всегда существовалъ, но лишь въ сферѣ неопредѣленной возможности (въ ряду другихъ безчисленныхъ способовъ умирающаго) и теперь выдѣлился изъ нея, сталъ дѣйствительностью, какъ выдѣляется звукъ отъ удара двухъ пѣней, въ которыхъ (явно) его не было, и въ которыхъ (въ возможности) онъ былъ. Такимъ образомъ, случайное не нарушаетъ причинности; но только эта послѣдняя проявляется здѣсь особымъ характернымъ способомъ: фактъ случайный есть тотъ, который происходитъ какъ бы не отъ своей причины, а отъ того, что есть слѣдствіе въ иномъ причинномъ ряду—съ этимъ фактомъ, однако, не согласованномъ (что было бы цѣлесообразностью). Онъ порождается пересѣченіемъ двухъ или болѣе процессовъ независимаго происхожденія; впаденіемъ звена одного процесса въ рядъ звеньевъ другаго, что на моментъ разрываетъ ихъ и производитъ третье явленіе (случайное), которое въ цѣлости своей не содержалось ни въ которомъ изъ встрѣтившихся процессовъ (видимая безпричинность случайнаго), но *какъ часть, ожидающая лишь дополненія остальныхъ частей до цѣлаго*, сохранилась въ каждомъ процессѣ порознь (дѣйствительная причина случайнаго). Въ сферѣ-скрыто предустановленнаго, что мы называемъ потенциальностью, находятъ свое примиреніе и объясненіе случайное и причинное.

Это опредѣленіе случайнаго охватываетъ, какъ кажется, всѣ явленія, которымъ мы могли бы дать это имя. И подъ него подходитъ также естественный подборъ, какъ синтезъ нѣсколькихъ процессовъ независимаго происхожденія, между собою не согласованныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ его факторы: 1) индивидуальныя измѣненія, появляющіяся въ особяхъ случайно и во всевоз-

можныхъ направленіяхъ, 2) условія вѣшняго существованія, которыя могли бы болѣе согласоваться съ одними изъ появляющихся измѣненій, нежели съ другими, которыя также появляются, 3) геометрическая прогрессія размноженія, 4) недостаточность средствъ существованія для всѣхъ особей, сколько бы ихъ и произошло, и 5) случайное спариваніе особей благоприятно измѣненныхъ съ особями получившими такія же измѣненія (теперь или въ далекомъ потомствѣ). Всѣ эти пять факторовъ случайны по отношенію другъ къ другу, ихъ отношеніе чисто вѣшнее, ни который изъ нихъ не содержитъ въ себѣ остальныхъ и самъ въ нихъ не содержится. Но изъ нихъ два: индивидуальныя измѣненія и спариваніе одинаково измѣненныхъ индивидуумовъ—случайны не только въ отношеніи къ остальнымъ факторамъ, но и каждый внутри себя, во всякомъ отдѣльномъ звенѣ своемъ. И въ самомъ дѣлѣ: каждое измѣненіе случайно (по Дарвину), такъ какъ оно не находится ни въ какомъ отношеніи къ предыдущимъ измѣненіямъ, отъ нихъ нисколько не зависятъ, и не подчинено вмѣстѣ съ тѣмъ какому-либо закону. Здѣсь случайное достигаетъ той степени своей—той высоты, гдѣ она теряетъ всякое отношеніе къ причинному, и мы отказываемся допустить, чтобы она имѣла мѣсто въ природѣ. Второй факторъ—спариванье, случайно также въ каждомъ своемъ элементѣ порознь, но лишь въ строгомъ и ограниченномъ смыслѣ того опредѣленія, которое мы дали выше для случайнаго: въ отдѣльности каждое спариванье обуславливается не цѣлью предыдущихъ спариваній, а (случайною) встрѣчею особей, которыя одинаково измѣнены. И между тѣмъ, эти два фактора суть самыя важныя въ естественномъ подборѣ: имъ однимъ принадлежитъ охраняющее значеніе въ природѣ, прочіе же всѣ объясняютъ только, какъ погибло, почему не сохранилось то, что и не наблюдается, чего нѣтъ въ формахъ органическаго міра (уничтоженіе неблагоприятно измѣненныхъ особей въ борьбѣ за существованіе).

Построивъ теорію естественнаго подбора, Дарвинъ описалъ только то, что происходитъ на поверхности природы—различныя комбинаціи уже возникшаго; но онъ не объяснилъ самаго возникновенія, не заглянулъ внутрь природы—туда, гдѣ совершаются ея глубокіе и скрытые процессы. Этотъ недостатокъ теоріи: то, что, имѣя объяснить, какъ *происходитъ*, она объясняетъ лишь, какъ *сохраняется*,—есть основной въ ней, за которымъ мы не хотимъ даже разсматривать остальныхъ недостатковъ. Въ сущности все, о чемъ идетъ споръ между дарвинистами и ихъ противниками, т.-е. нивелирующее вліяніе скрещиванія или возможность подбора и при немъ—все это вовсе не касается органическихъ новообразованій. Споръ идетъ только о томъ, что дѣлается съ первоначальнымъ индивидуальнымъ измѣненіемъ: онъ *не переступаетъ за границу этого вопроса и не можетъ этого сдѣлать*, потому что лишь одно это измѣ-

неніе, его дальнѣйшая судьба, разъ оно случайно возникло, составляетъ весь предметъ теоріи—то, о чемъ она написана. Пусть говорятъ, что существованіе этихъ индивидуальныхъ измѣненій общезвѣстно, что они бываютъ всевозможнаго характера; это нисколько не дѣлаетъ ихъ понятными для насъ, а ихъ разнообразіе не свидѣтельствуетъ объ ихъ беспорядочности, объ отсутствіи какого-либо закона при ихъ возниканіи. Именно эти измѣненія, открытіе порядка въ ихъ появленіи и изслѣдованіе причинъ послѣдняго—и есть задача науки о происхожденіи органическаго міра; и то, что мы окружены ими, что мы всѣ знаемъ, что онѣ есть,—говоритъ только о томъ, что мы живемъ въ морѣ органической жизни, не замѣчая его, какъ не замѣчаемъ воздуха, которымъ дышемъ, и не хотимъ понять, что это и есть самое интересное и самое нужное, что намъ предстоитъ изслѣдовать. Теорія же подбора этотъ именно вопросъ и обходить.

II.

И здѣсь, разъ вопросъ идетъ о *возникновеніи* объ органическихъ *новообразованіяхъ*, тотчасъ выступаетъ возможность и необходимость говорить о причинности и цѣлесообразности.

Причинность и цѣлесообразность суть два различные способа соединенія звеньевъ, которыя слагаютъ изъ себя процессъ, совершеніе; то, что варьируетъ въ природѣ, въ послѣдующія времена не остается тѣмъ же, чѣмъ было въ предыдущія. Присутствіе одного или другого способа налагаетъ извѣстныя опредѣленныя черты на самый процессъ, и наблюдая ихъ—мы можемъ открыть его. Какъ и повсюду въ наукѣ, здѣсь пріобрѣтаетъ опредѣленный смыслъ и становится возможною для разрѣшенія задача: по данному наблюдаемому опредѣлить скрытое, что съ нимъ связано нѣкоторымъ опредѣленнымъ способомъ.

Такимъ образомъ, зависимость формы процесса и того, что возникаетъ по его окончаніи, отъ способа соединенія звеньевъ, изъ которыхъ слагается онъ—есть первое, что предстоитъ разрѣшить въ вопросѣ о причинномъ или цѣлесообразномъ происхожденіи и устройствѣ органическаго міра.

Различіе между причинностью и цѣлесообразностью состоитъ въ различномъ отношеніи наблюдаемаго измѣненія къ тому, что служить для него основаніемъ. Всякій разъ, когда это основаніе или предшествуетъ ему во времени, или съ нимъ одновременно—мы называемъ самое измѣненіе причиннымъ; напротивъ, если это основаніе лежитъ въ томъ, что слѣдуетъ за измѣненіемъ во времени—мы называемъ измѣненіе цѣлесообразнымъ. Такъ, движеніе, вызванное толчкомъ, или колебаніе различной цѣны продукта въ зависимости отъ спроса и предложенія, есть измѣненіе причинное; построеніе же зданія или установленіе какихъ-нибудь политиче-